Р.Сашина

Гоголь, Белинский и воспитание женщины

Гоголь и Белинский - два противоположных явления русской литературы, два человека, противостоящих один другому в своих воззрениях, взглядах и интересах. При всей самостоятельности, при всей неприязни к любому коллективизму и к групповым убеждениям Гоголь - вспомним хотя бы о его дружбе с Аксаковыми, с Языковым - в своих взглядах был все же близок к славянофилам. Белинский - отчасти под влиянием кружка Станкевича и Бакунина (особенно последнего) скорее разделял взгляды западников. Оба, и Гоголь, и Белинский горячо любили Россию и верили в ее высокое предназначение, но о путях, которыми стране следует идти, они думали совершенно по-разному. Гоголь был убежденным монархистом. Об убеждениях Белинского в этой области можно судить хотя бы по эпизоду, рассказанному Герценом. В споре с каким-то магистром о революции 1789 - 1794 гг. Белинский положительно отозвался о применении гильотины. [i]Столь же диаметрально противоположно относились они к религии. Гоголь стремился веровать глубоко, страстно, Белинский ценил в христианстве больше культуру, чем религию. Гоголь чтил православные обряды, его перу принадлежит описание литургии, Белинский, как видно из его писем к невесте, видел, например, в венчании не соединение двух душ в храме Божьем, а нелепый обряд, который он, скрепя сердце, вынужден был исполнять. Противоположность их зафиксирована в известном письме Белинского к Гоголю, наделавшем много шума в русской литературе вплоть до наших дней. Правда, здесь стуит оговориться. Не исключено, что знаменитое письмо - всего лишь плод недоразумения, вызванного слишком большой горячностью автора . Такого рода казусы случались с Белинским и в связи с другими обстоятельствами. Вспомним хотя бы его яростно негодующее письмо к брату Константину по поводу крепостной женщины Авдотьи. Дело было в следующем. Маменька Белинских завещала перед смертью дать Авдотье вольную. Прослышав о том, что сестра его Александра Авдотью не отпускает, Белинский разразился письмом, в котором обрушивает громы и молнии на голову сестры. Что же в конце концов выяснилось? Авдотья, проведшая всю жизнь в семействе Белинских, ставшая почти равноправным его членом, решительно отказалась от вольной, отнюдь не желая покидать ставший ей род-

ным дом. О страстных реакциях Белинского на те или иные явления жизни и литературы неоднократно говорили и писали современники, назвавшие его "неистовым Виссарионом", говорил и писал он сам: "Верьте мне, я вспыльчив и бешен, но не зол"[ii] Можно предположить, что нечто подобное произошло и с "Выбранными местами из переписки с друзьями". Не вникнув достаточно глубоко в содержание книги, Белинский дал волю своему бурному темпераменту и заклеймил своего любимого писателя званиями "проповедника кнута", "апостола невежества", "поборника обскурантизма и мракобесия", которых автор "Выбранных мест" разумеется не заслуживал. Как бы то ни было, налицо оказалась конфликтная ситуация, еще раз подтвердившая, противоположность взглядов этих двух людей.

И тем не менее.... Почти ровесники, Белинский и Гоголь, принадлежали к одному поколению. Одна из проблем, временем и судьбой перед этим поколением поставленных, - элько на общности хозяйственной жизни и необходимости совместно воспитывать детей, но в первую очередь на духовной близости, на единстве взглядов и интересов. Мария Васильевна Орлова, еще не будучи знакома со своим будущим мужем, с увлечением читала статьи Белинского. Сестра ее Аграфена Васильевна пишет в своих воспоминаниях, что супруги Белинские "много разговаривали и много спорили, но никогда не ссорились". [iii] Можно предположить, что разговаривали и спорили они не столько о хозяйственных и бытовых предметах, сколько о прочитанном, о передуманном, о литературе или театре. При этом, если у гоголевской Маниловой " глупо и без толку готовится на кухне", то Мария Васильевна Белинская в других, гораздо более трудных условиях умудрялась аккуратно вести бедное семейное хозяйство. Создать интеллигентную семью Белинскому удалось, Гоголю это суждено не было. Но есть много оснований думать, что он так же как Белинский стремился связать свою жизнь с женщиной, близкой по взглядам и интересам. Такое предположение основывается на том, что Гоголь, как известно, сдружился с Анной Михайловной Виельгорской и по некоторым сведениям делал ей предложение. [iv](В.В. Зеньковский. Н.В. Гоголь, часть iii // Он же. Русские мыслители и Европа. - М., изд-во "Республика", 1997, с. 245).

Свой идеал женщины Гоголь воплотил в образе Улиньки, прототипом которой, возможно, и была Анна (семейное прозвище Нозинька) Виельгорская. Улинька - как бы та самая институтка из первого тома "Мертвых душ", которая не успела еще стать "дрянью" с помощью доброжелательных тетушек. Воспитывала ее англичанка, не знавшая ни слова по-русски. Надо сказать, что читателя может несколько озадачить, каким образом у такого отца как генерал Бетрищев оказалась такая дочь. Улинька отличалась добротой и со-

чувствием к несчастью ближнего. Вспомним, в какое она пришла негодование, услышав историю о несчастном немце, одураченном плутами-чиновниками. "...гнев ее вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурном поступке с кем бы то ни было. <...> Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась. " В рамках занимающего нас сопоставления примечателен возникающий параллелизм между литературным образом и реальной женщиной той же эпохи. Мария Васильевна Белинская, получив некоторую прибыль от издания произведений покойного мужа, поспешила написать в Литературный фонд прошение, в котором отказывалась в пользу неимущих литераторов и их семей от половины пенсии в 600 рублей, которую выплачивал ей Фонд.[v] Об Улиньке сказано: "При первой просьбе о подаянии кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелек". Так что вдова Белинского проявила заботу о страдающих людях и доброту, вполне присущие гоголевской героине.

Деятельность и Белинского, и Гоголя приходится на 1830ые - 1840ые годы. Двадцатилетие это, с эпилогом в первой половине 1850ых составляет, как известно, определенную эпоху в истории русской культуры. Несмотря на свое относительное единство, эпоха эта породила многие из тех противоречий, которыми отмечено последующее развитие, - западничество и славянофильство, дворянскую культуру и культуру разночинную, контрастный дуэт Петербурга и Москвы и многие другие. Противоречие и совпадение «Белинский - Гоголь» в литературе и в жизни ярко отражает свое время. Стоит также обратить внимание еще на одну особенность той же эпохи, весьма важную для нашей темы. Выше приведены были слова И.А. Гончарова из неопубликованного предисловия к «Обрыву» (1869). Расширим цитату. Оглядываясь на прошедшую эпоху, Гончаров произнес ключевое слово к тому времени прочно и властно вошедшее в русский словарь - *интеллигенция*. "Крепостное право, телесное наказание, гнет начальства, ложь предрассудков общественной и семейной жизни, грубость, дикость нравов в массе, - вот, что стояло на очереди в борьбе и на что были устремлены главные силы русской интеллигенции тридцатых и сороковых годов". Одно из важных направлений в этой борьбе составляло изменение отношения к женщине, само восприятие ее как нравственной величины, как основы только-только начинавшей складываться интеллигентной семьи. Белинский в своей критической мысли и, прежде всего, в собственной жизни, Гоголь в своем творчестве и в эволюции своего художественного идеала, оба знаменуют начало этого процесса. Есть основания думать, что для

дальнейшего развития русской общественной жизни, самого типа русского человека, это их сходство представляло собой исходную веху, не менее существенную чем те коренные проблемы культуры, что их разделяли.

---

[i] А.И.Герцен. Былое и думы, ч. IV, 1852 - 1868 // Собрание сочинений в тридцати тома, т. IX, М., 1956, с. 34

[ii] Из письма М.В. Орловой 22 октября 1843 г.//В.Г.Белинский. Полное собрание сочинений. Т. XII. Письма 1841 - 1848. Изд-во Академии Наук СССР 1956, с. 239

[iii] В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. - М.,1977, с.566

[iv] В.В. Зеньковский. Н.В. Гоголь, частьIII // Он же. Русские мыслители и Европа. - М., изд-во "Республика", 1997, с. 245.

[v] Литературное наследство 57. В.Г. Белинский III. - М., 1951, с.320.